

КАД 10.02.06
А65
А-481

Академия наук СССР
Институт языкознания

На правах рукописи

УДК 809.43

АНДРЕЕВ Василий Алексеевич

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ
В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.06 — Тюркские языки

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 1987

Работа выполнена на кафедре тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А. А. Жданова

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор **С. Н. Иванов**

Официальные оппоненты — доктор филологических наук
Г. Ф. Благова,
кандидат филологических наук
Ю. В. Щека

Ведущее учреждение — Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР

Защита состоится 28 апреля 1987 г. в 11⁰⁰ часов на заседании Специализированного совета Д 002.17.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания АН СССР по адресу: 103009, Москва, К—9, ул. Семашко, 1/12.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания АН СССР.

Автореферат разослан 26.03 1987 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета
кандидат филологических наук

Е. А. Поцелуевский

В реферируемой работе исследование категории склонения современного чувашского языка проводится в системно-семантическом аспекте. С позиций системно-семантического подхода односторонним представляется описательно-систематизирующий /классифицирующий/ подход к явлениям языка, характерный для начального этапа развития всех частных отраслей науки о языке. Наибольшего успеха в применении последнего подхода к изучению чувашских падежей добился Н.И. Ашмарин. Существующие попытки системного описания падежных форм как в чувашском языкознании, так и в других областях тюркологии основаны главным образом на бинарно-дихотомическом принципе, который не обеспечивает системного представления всего многообразия функционирования падежей.

Признание структурной единицей грамматического строя языка грамматической категории делает возможным более глубокое изучение характера системных отношений совокупности элементов языка. В этом смысле категория склонения в исследуемом языке представляет собой одну из основных структурных словоизменительных категорий, правильная интерпретация сущности которой может позитивно способствовать теоретическому осмыслению и других грамматических категорий языка. Известно, что одной из характерных особенностей тюркских /агглютинативных/ языков является то, что в них грамматические категории имени и глагола образуют единую взаимосвязанную систему, основу грамматического строя языка. Поэтому не случайно, что в настоящее время все больше лингвистов именные категории исследуют в комплексе с глагольными /Серебрянников, 1957; Иванов, 1969; Гузев, 1986 и др./ . Такая исследовательская позиция позволяет глубже познать закономерности функционирования не только отдельных грамматических категорий имени и глагола, но и всех основных словоизменительных категорий в системе языка в целом. Вместе с тем, она не исключает возможности самостоятельного изучения одной, отдельно взятой категории имени или глагола, в данном случае категории склонения имени существительного, а скорее предполагает такое исследование, так как добытые таким образом факты и теоретические определения могут значительно расширить наши представления о грамматической категории вообще. Однако и такое исследование не достигнет своей цели, если при этом лингвисты не будут сознательно и последовательно руководствоваться методологическими принципами и философскими основаниями системно-структурных исследований, разработанными классиками марксизма-ленинизма /Общее языкознание, 1972, с. 9-11 и сл./ .

10/15

Сказанное позволяет считать, что изучение грамматической категории склонения в чувашском языке в системно-семантическом аспекте является актуальным и с общелингвистических позиций, и с точки зрения чувашского /туркского/ языкознания.

Цели и задачи исследования. В диссертационной работе предпринимается попытка, исходя из теоретических принципов системно-структурного подхода, разработанных С.Н.Ивановым на материале староузбекского и современного турецкого языков, дать развернутый анализ отдельной грамматической категории - категории склонения имени существительного в чувашском языке. Поскольку склонение в чувашском отличается от склонения других тюркских языков рядом присущих ему черт, конкретные задачи, стоящие перед исследователем, также приобретают самостоятельный характер. Они сводятся к следующему: а/ дать по мере надобности общую характеристику падежных показателей; б/ выявить по возможности полно /учитывая все предыдущие работы, в особенности труды Н.И.Ашмарина/ содержание грамматических значений падежных форм: проследить ряды взаимно связанных значений и выяснить взаимную связь значений в рамках каждого ряда и их отношения между собой /аналитическая характеристика/; в/ выявить систему грамматических оппозиций, образуемую при участии всех без исключения падежных форм /синтетическая характеристика/, что дает возможность не только уточнить место данной формы среди других форм грамматической категории склонения, но и наиболее полно представить механизм функционирования этой категории в чувашском языке.

В соответствии с целями и задачами исследования изложение материала в диссертационной работе ведется по единому плану: анализ грамматических значений, проявляющихся в различных синтаксических функциях словоформ этого падежа сосредоточен в параграфе "Аналитическая характеристика... падежа", а выводимая из такого анализа сущность падежа формулируется в параграфе "Синтетическая характеристика... падежа". В случаях особо сложных и спорных этим двум параграфам предшествует "Общая характеристика... падежа".

Методологию и философские основания исследования составляют учения и категории диалектической логики о соотношении общего и единичного, сущности и явления, элемента и системы, предмета, свойства и отношения, противоречиво двойственного и единого, о методе восхождения от абстрактного к конкретному и др., а также конкретные методологические принципы: а/ принцип системности /общее относится к единичному как система, в которую включено это единичное/; б/ прин-

цип относительности /каждое явление языка определяется лишь по отношению ко всем другим явлениям того же языка/; в/ принцип субстанциональности /грамматическая форма является носителем всех своих значений как свойств, проявляющихся в ее отношениях - синтаксических функциях/; г/ принцип противоречивости /сущность каждой грамматической формы противоречиво двойственна/ /Иванов, (1969), с.26/.

Методика исследования. Суть ее состоит в разграничении семантической и синтаксической сторон падежных форм, соответственно грамматическая сущность того или иного падежа выводится путем анализа грамматических значений, проявляющихся в различных синтаксических функциях словоформ данного падежа.

Научная новизна работы состоит в следующем: а/ в системном подходе к исследованию категории склонения, так как в чувашском языкознании, хотя и накоплен большой фактический материал /систематизация/, но до сих пор в теоретическом плане как система эта категория изучена еще недостаточно; б/ в применении диалектического метода к изучению конкретного грамматического материала; в/ в проведении четкого разграничения семантических и синтаксических сторон падежных форм и деления падежей чувашского языка на две группы. Первая группа состоит из падежей, отражающих противопоставление конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений /основной, родительный, дательно-винительный/объектный//. Вторая включает в себя падежи, отражающие противопоставление обстоятельственных и объектных значений /дательно-винительный/ направительный /местный, исходный, творительный, лишний и причинно-целевой/; г/ в разграничении значений и функций дательно-винительного и лишительного падежей.

Практическая ценность работы. Полученные научные выводы могут использоваться при чтении теоретических курсов по грамматике современного чувашского литературного языка, а также при составлении учебных пособий и нормативных грамматик по этому языку. Достигнутые в работе результаты, как представляется автору, можно применять в исследовательской практике по выявлению новых связей и отношений грамматических форм и категорий чувашского языка, по изучению его грамматического строя системно-семантическим методом.

Материал для грамматического анализа почерпнут автором из произведений современной чувашской художественной и публицистической литературы, отчасти периодической печати и научной литературы. Привлекается также материал, извлеченный из других источников, в частности из "Словаря чувашского языка" /Вып. I-XVII/ и трудов Н.И.Ашмарина, из "Современного чувашского литературного языка" И.П. Пав-

лова, "Чувашско-русского фразеологического словаря" М.Ф. Чернова и некоторых двуязычных словарей. Используются материалы чувашского устного народного творчества, тексты дореволюционной чувашской литературы, диалектологические материалы, нашедшие отражение в выпусках НИИ языка, литературы, истории и экономики при Сов. Мин. ЧАССР: "Чувашское устное народное творчество" /Т. I-6/, "Дореволюционная чувашская литература" /Т. I/, "Материалы по чувашской диалектологии" /Вып. I-IV/. Использован также материал, собранный автором в Канашском и Яльчикском районах Чувашской АССР.

Апробация работы. Предварительные результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях: на итоговой научной конференции Чувашского государственного университета имени И.И. Ульянова /февраль 1984г./; на научно-методической конференции "Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе" /Чебоксары, октябрь 1984г./; на II и III Межвузовской конференции молодых ученых /Ленинград, апрель 1984г., апрель 1985г./; на научно-методической конференции, посвященной 40-летию воссоздания восточного факультета /1944-1984/ /Ленинград, февраль 1984г./; на 29-й сессии Постоянной международной алтаистической конференции /Ташкент, сентябрь 1986г./.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, списка использованной литературы и перечня источников текстового материала.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Г л а в а п е р в а я "Теоретические вопросы изучения категории склонения в чувашском языкознании и тюркологии".

Одним из основных вопросов, возникающих при изучении категории склонения в чувашском языке, как и в других языках, является вопрос о соотношении грамматических понятий формы, значения и функции. Между тем, анализ специальной литературы показывает, что в зависимости от подхода, применяемого лингвистами к изучению данного вопроса, результаты исследования могут получаться разными, а иногда диаметрально противоположными.

Традиционное тюркское языкознание, в том числе и чувашское, стоит на позициях описательно-систематизирующего подхода, то есть ограничивается номенклатурным перечислением форм с их наиболее очевидными "ближайшими" значениями. Сказанное подтверждается фактами, почерпнутыми из имеющихся грамматик и исследований по этому языку. Если в первые грамматики чувашского языка под влиянием латинской и

русской схем было включено 5 и 6 падежей, соотносимых соответственно с латинскими и русскими падежами, и в них не отмечается специфика падежной системы чувашского языка, то более поздние исследования характеризуются стремлением систематизировать языковой материал, исходя из особенностей грамматического строя самого чувашского языка. Так, сначала Г.Ю. Клапротом и В.Шоттом, а затем Н.И. Золотницким был указан факт наличия в чувашском языке специальных формантов местного и исходного падежей, составляющих отличительную черту этого языка, как и других тюркских языков. Вместе с тем отмечалось, что система склонения чувашского языка характеризуется рядом присущих ему черт: слияние формантов винительного и дательного падежей, наличие показателя так называемого творительного падежа -па/-пе и др. Наиболее полно значения основного, родительного, винительного, дательного, местного, исходного и творительного падежей описал Н.И. Ашмария в работе "Опыт исследования чувашского синтаксиса". В этой работе он не только уточняет общие значения падежных форм, но и впервые самым тщательным образом пытается выявить все частные значения падежей в чувашском языке. Исследователь, как и следовало ожидать, больше внимания уделяет показу синтаксического употребления той или иной падежной формы в различных сочетаниях на обширном языковом материале, невольно внутренним связям между различными значениями одной и той же формы и ее частными случаями, не говоря уже о связях значений отдельных форм.

В 50-ые годы в ходе дискуссии по некоторым вопросам чувашской грамматики были выделены помимо 6 традиционно отмечаемых в других тюркских грамматиках падежей /основного, родительного -ән/-ён, дательного-винительного -а/-е, местного -га/-ге, -ра/-ре, исходного -тан/-тен, -ран/-рен и творительного -па/-пе/ в качестве полноправных членов системы чувашского склонения лишительный -сёр/-сёр и причинно-целевой -шән/-шён падежи. Изучению системы падежей, состоящей из 8 форм, были посвящены специальные статьи А.И. Иванова и И.П. Павлова. Однако в этих работах упомянутые лингвисты оставались на позициях бинарно-дихотомического принципа. Так, А.И. Иванов, отказавшись от поиска "общего" значения, тем не менее обращается к основному или главному значению падежей. Специально не останавливаясь на анализе действительного взаимоотношения между различными значениями и функциями одного и того же падежа, он пытается выдать одно из многочисленных значений /функций/ данного падежа за основное или главное и затем противопоставляет различные падежи по этим значениям.

Таким образом, краткий обзор истории изучения категории склонения чувашского языка позволяет сделать вывод о том, что, хотя и накоплен большой фактический материал по систематизации падежей, но до сих пор в теоретическом плане, как система, она исследована недостаточно. Поэтому в настоящее время чрезвычайно остро встает вопрос о теоретическом исследовании грамматического строя чувашского /туркских/ языка в целом и ее основной структурой единицы - грамматической категории в частности, в системно-семантическом аспекте /Ср.: Иванов, 1978, с. 130; Нигматов, 1978 и др./.

К изучению категории склонения чувашского языка системно-семантическим методом, как будет показано ниже, вслед за С.И. Ивановым, мы привлекаем основные категории диалектической логики как методологической основы теоретического исследования. С позиций учения диалектической логики о соотношении общего и единичного не выдерживает критики теория единого универсального непротиворечивого падежного значения, интегрирующего частные значения, выдвинутая Р. Якобсоном и его последователями. Нельзя считать положительным решением вопроса и отказ от поиска общего значения, характерный для части лингвистов, в частности для А.И. Иванова, так как в соответствии с марксистско-ленинской философией общее объективно существует и не может не существовать /Ленин, ПСС, Т. 29/. Следует отметить, что на материале индоевропейских языков была сформулирована на Е. Куриловичем оригинальная падежная теория, согласно которой падежные значения подразделяются на синтаксические и семантические /адвербиальные/ в зависимости от первичной и вторичной функций, синтаксических и семантических характеристик падежей, а также от их возможных позиций - центральной и маргинальной.

Диалектическая логика в понимании категории общего, в отличие от толкования общего формальной логикой, исходит из того, что диалектически общее не может быть выведено из единичных вещей /явлений, фактов, предметов/ путем абстрактного /идеального/ извлечения одинаковых признаков из всех единичных явлений данного ряда, данной совокупности фактов /Миленков, 1960/. Диалектическая логика рассматривает общее как систему связей, в которую включено данное единичное. Таким образом, единичное - это явление, общее - система, в рамках которой существует единичное, это глубинная основа ряда явлений, их сущность /Диалектика и логика..., 1962/. Такое понимание общего ведет к созданию конкретно-общего понятия об объек-

те исследования.

В приложении к интересующей нас грамматической проблеме сказанное означает следующее. Попытки определения общего значения той или иной грамматической формы как общего семантического знаменателя всех ее частных значений - это абстрактно-общее представление о данной грамматической форме, а не конкретно-общее понятие о ней. В диалектической логике методом конструирования научного понятия признан метод восхождения от абстрактного к конкретному, заключающийся в "восхождении" от абстрактных упоминаний отдельных свойств предмета к конкретному - к системе, к сущности, к взаимодействию /См.: Оруджев, 1973/. Следовательно, общее значение грамматической формы следует понимать "как систему ее значений, скрытую от непосредственного наблюдения сущность, стоящую за явлениями - частными значениями" /Иванов, 1975, с. 73/. Общее значение падежной формы представляет собой, таким образом, систему ряда ее значений, выявляемую в соотношении со значениями других форм, противопоставленных ей в рамках грамматической категории склонения. Так, в категории склонения, как это было показано в исследованиях С.И. Иванова на материале староузбекского и современного турецкого языков, хотя и имеет место различие семантических и синтаксических характеристик падежей, постулируемых Е. Куриловичем относительно индоевропейских падежей, но противоположение их базируется на другой основе и образует стройную систему взаимодействия двух групп значений, реализующуюся в наличии двух рядов противопоставления падежей в склонении в целом.

Примечательно, что ставшее в тюркологии почти традиционным деление падежей на грамматические /основной, родительный, винительный/ и пространственные /дательный, местный, исходный/, восходящее к известным работам Н.К. Дмитриева и Э.В. Севортяна, при некоторой терминологической неясности, все же отражает наиболее характерное свойство категории склонения в тюркских языках - наличие двух рядов форм, противостоящих друг другу. Количество форм в этих рядах по языкам может быть различно. В современных тюркских языках так называемый "второй малый ряд", или пространственные падежи имеют тенденцию к увеличению числа форм за счет последующих падежей, как, например, в казахском, караимском, хакасском, чувашском наличествует творительный падеж; в чувашском - лишительный и причинно-целевой падежи. Значения тюркских падежей при противопоставлении их в малых рядах форм семантически, а в большом ряду форм, или в рамках склонения в целом они противопоставляются по синтаксическому признаку /См.:

Иванов, 1975; Нигматов, 1975; Кодратъев, 1961 и др./.. Такую двойственность значений каждой из падежных форм можно понять как инвариантное общее значение.

Основной вопрос, возникающий при изучении категории склонения в чувашском языке, как было отмечено выше, - это вопрос о соотношении формы, значения и функции. Оставаясь на позициях системно-семантического подхода к изучению этого важного вопроса, представляется возможным рассматривать его в свете соотношения диалектических категорий предмета /вещи/, свойства и отношения. "Если грамматическую форму рассматривать как предмет, т.е. как нечто, имеющее отдельное бытие, - пишет С.Н.Иванов, - то она обладает известной субстанцией, 2) сущностью, складывающейся из ее свойств /значений/, которые проявляются в ее отношениях, т.е. в ее функционировании" /Иванов, 1973, с. 104/. Такое субстанциональное понимание соотношения форм, значения и функции опирается на известное положение марксистско-ленинской диалектики о том, что "свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении" /Маркс, Энгельс, Соч., т.29/. Задача описания грамматической категории склонения таким образом состоит в создании теории падежных значений, субстанционально заложенных в падежных формах.

Эти закономерности, установленные С.Н.Ивановым при анализе системы склонения в староузбекском и современном турецком языках, действуют, как показало исследование, и в чувашском языке, хотя состав форм категории чувашского склонения и отличается от названных языков.

Глава вторая - "Система падежей чувашского языка" - посвящена выявлению структуры содержания грамматических значений падежных форм. Под структурой содержания следует понимать единство семантической и синтаксической сторон падежей, системные связи и отношения грамматических значений и функций падежных форм.

В разделе "Падежи, отражающие противопоставление конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений" рассмотрены основной, родительный и дательный-винительный /объектный / падежи, релевантным свойством которых, по мнению диссертанта, является переплетение и взаимодействие значений конкретной предметности и отвлеченной предметности.

Основной падеж /ОП/. Как известно, в тюркологии термином "основной падеж" по традиции обозначается безаффиксный член падежной парадигмы. Следовательно, по отношению к другим членам падежной парадигмы ОП рассматривается как падеж с "нулевым" показателем, входя-

щий в систему форм данной категории. Среди всех попыток истолкования ОП как формы имени с нулевым показателем падежа наиболее убедительным представляется мнение, согласно которому морфологическая характеристика этой формы /конкретно-предметное и отвлеченно-предметное значения/ определяют сферу ее синтаксического употребления /Иванов, 1969, 1973, 1975/. Имя существительное в ОП /в функции подлежащего, в отличие от других функций этого падежа, может обладать и конкретно-предметным /а/ и отвлеченно-предметным /б/ значениями: а/ Пёр шăрчăк сес ... хăйĕн кашки иррине шăрантарать /Хумма, 1975/. - Только один сверчок ... распевает свою вечернюю песню. б/ Суркувине пĕтĕм сутсанталăк чĕрĕлет, упа та ура сине тăрать /Эсхель, 1983/. - Весной оживает вся природа, и медведь просыпается от спячки /досл. встает на ноги/.

2) В функции определения имя в ОП показывает иное соотношение, чем в функции подлежащего. Например: Уйăх суги - суг суги, хăвел суги - кун суги /Чăваш сăмахлăхĕ, V/. - Лунный свет - свет дороги, а свет солнца - свет дня. В данном случае форма ОП обозначает родовое понятие, т.е. имеет отвлеченно-предметное значение.

Имя существительное в ОП, выступающее в функции как предикативного дополнения /а/, так и прилегающего дополнения /б/, имеет отвлеченно-предметное значение: а/ Тарсине панакан тĕп пуднă /Чернов, 1982/. - Кто верит слуге, тот разорвется. б/ Бутĕш силленĕ сянна час-часах ўслăк ярать /Ашмарин, V/. - Водной часто посылает чахотку тому, кто его разгневил.

4) В обстоятельственной функции имя в ОП обозначает также отвлеченно-предметное значение. Например: Виçĕмкун каш уйăха вупăр сярĕ. - Третьего дня вечером месяц съел ушърь /т.е. было затмение луны/ /Ашмарин, 1903/.

5) Имя в ОП, стоящее в позиции сказуемого, имеет отвлеченно-предметное значение, т.е. выражает некое родовое понятие: Петĕр - аста сухаçă. - Петр - хороший пахарь.

Попытки выявления системы грамматических оппозиций, образуемой при участии всех без исключения падежных форм, предпринятые в диссертации после аналитической характеристики каждого падежа отдельным параграфом как синтетическая их характеристика, в реферируемой работе из-за ограниченности объема рассматривается в конце соответствующих разделов.

Родительный падеж /РП/. Употребление этого падежа в чувашском языке имеет как общие с остальными тюркскими языками черты, так и

специфические. Форма РП в современном чувашском функционирует не только в приименной, но и приглагольной позиции. Соответственно имя в РП выступает не только в качестве определения изафетной конструкции, но и в функции управляемого дополнения. Форма РП в функции определения, соотносимого с определяемым на основе категории принадлежности, может стоять как в прилегающей /а/, так и отстоящей позиции /б/: а/ Космос саманан пусламăшĕ уяăн ячĕне уйрăлми сыхăннĕ /Николаев, 1975/. - Начало космической эры неразрывно связано с его именем. б/ Сутсанталăкăн типĕ вăхăчĕ пулсан та... /Берн, 1984/. - Хотя и сухо время года...

В этих примерах имя в РП характеризуется контекстуальной предметной определенностью, т.е. имеет конкретно-предметное значение.

В приглагольной позиции форма РП выступает в функции логического субъекта действия /а/, объекта действия в сочетании с послелогами дек, некех и словами пĕр "один, некий", сав "тот, тот самый", ку "этот" и другими определительными словами /б/: а/ Учительĕн ачасем ыйтнине тивĕстермелле... /Андреев, Митта, 1981/. - Учитель должен удовлетворять просьбы детей... б/ Кăвакăлăн пĕр паршĕ тултар /Трубина, 1975/. - Насытить желудок как у уток.

1) Дательно-винительный /объектный/ падеж /ДВОП/. Термин "дательно-винительный падеж", утвердившийся в чувашском языковедении в 50-е годы, обозначает форму, которая соответствует винительному и дательному падежам других тюркских языков. Причину слияния формантов винительного и дательного падежей в чувашском языке Л.С. Левитская объясняет фонетическими процессами. Г.Ф. Благова в этом вопросе предпочтению отдает грамматическим критериям. Не ставя перед собой цель раскрыть в реферируемой работе сущность такого явления, как слияние винительного и дательного падежей в единых формантах, отметим, что разграничение по возможности полно "несовместимых" грамматических значений имени в дательно-винительном падеже в отдельных его функциях, может способствовать уяснению указанного явления, в частности; и выявлению грамматической природы этой формы в целом.

Поскольку форма дательно-винительного падежа выступает в предложении в синтаксической функции как прямого, так и косвенного дополнения /обстоятельства/, постольку есть смысл эти функции данной формы рассматривать отдельно. Условно дательно-винительный падеж в функции прямого дополнения можно обозначить объектным, а в функции косвенного дополнения - направительным.

Возможность /невозможность замены формы дательно-винительного па-

дежа основным падежом вне контекста, в отдельно взятом предложении сигнализирует о том, в какие объектные отношения входит имя в дательно-винительном падеже. В случае возможности замены формы дательно-винительного падежа формой основного падежа, речь должна идти о ДВОП.

Имя в ДВОП в позиции прямого дополнения имеет конкретно-предметное значение, так как на предметно актуализированный объект полностью переходит действие: Эп хам шăна кăмпине сес паллан /Емельянов, 1981/. - Я сам узнаю только мухомор. В позиции отстоящего прямого дополнения исследуемая форма выражает конкретно-предметное значение: Уралана картишне туртса кÿрт /Ашмарин, У1/. - Взяввай телегу во двор.

Использование формы ДВОП, актуализированной посредством указательных местоимений, аффиксов принадлежности, количественных и других определителей, составляет совершенно автономную сферу ее применения, так как в таких случаях форма ОП в функции прямого дополнения употребляться не может. Однако и здесь глаголы, управляющие ДВОП, вне контекста допускают замены его основным падежом. Например: Ваттисем ку йăлана ахальтен кăларман... /Ашмарин, У/. - Древние люди не случайно придумали этот обычай... Сăк сăмхасене илтме йăвăр салакайăка... /Даль, 1982/. - Воробью неприятно слушать эти слова...

Изучение значений и функционирования ОП, РП и ДВОП показывает, что отличительным свойством этой группы падежей является противопоставленность их по конкретно-предметным и отвлеченно-предметным значениям: ОП, обозначая отвлеченно-предметное определение, противопоставит РП в значении конкретно-предметного определения, а в функции прямого дополнения ОП противопоставит ДВОП в той же функции по признаку выраженности в них взаимодействия конкретно-предметного и отвлеченно-предметного значений. Однако у ОП есть и такая сфера употребления, где он используется безотносительно к упомянутому противопоставлению конкретно-предметного и отвлеченно-предметного значений склоняемого существительного. Это - ОП в функции подлежащего. В функции подлежащего имя существительное в ОП противопоставляется не только РП и ДВОП, но и всем падежам второй группы - дательному /направительному/, местному, исходному, творительному, лшительному и причинно-целевому как падежам управляемых дополнений в системе склонения в целом.

В разделе "Падежи, отражающие противопоставление обстоятель-

ственных и объектных значений" анализируются, помимо рассмотренных в первом разделе трех падежей, все остальные падежи системы чувашского склонения. Релевантным свойством этих падежей, по мнению автора реферируемой работы, является противопоставление обстоятельственных и объектных значений.

2 Дательно-винительный /направительный/ падеж /ДВНП/. ДВНП характеризуется наибольшей многозначностью в системе чувашских падежей. Условное обозначение дательно-винительного падежа направительным ни в какой мере не отражает суть исследуемого падежа, так как, с одной стороны, направительные значения этого падежа наряду с другими его значениями входят в более широкий ряд обстоятельственных и объектных значений, с другой, в современном чувашском языке для выражения значений направления имеется специальная форма на -алла/-елде. Рассмотрим значения ДВНП, которые проявляются в различных синтаксических структурах. У имени существительного в ДВНП можно выделить следующий ряд взаимно связанных значений, объединенных семантикой объекта направленности действия: /1/ пространственно-направительное значение: хулана кайрĕ "он поехал в город"; /2/ объектно-направительное значение: гуйран туй суре "ходить с одной свадьбы на другую"; /3/ предельно-достигательное значение: сирмасем сирана кĕчĕс "воды вступили в берега"; /4/ значение объекта-цели действия или назначения: асаттепе вĕрмана бутта кайрĕмĕр "мы с дедушкой отправились в лес по дрова"; /5/ значение объекта-адресата при глаголах со значением веры, эмоционального отношения: яла тунсăкланĕ ача "затосковавшийся по деревне ребенок"; /6/ значение объекта-источника действия: сĕнĕ тырă шăрши сăпрĕ сĕмсана "запах нового урожая ударил в нос"; /7/ значение объекта начинания действия: Наропа ёфе тытăнат "Наропа приступает к работе"; /8/ значение объекта-рода занятий, должности: рабфак вырнасрĕм "устроился на рабфак".

Другой ряд значений, объединенных общей семантикой объекта, вызывающего ответную реакцию, включает следующие значения: /9/ значение объекта, предполагающего предметную компенсацию, замену, эквивалент, подобие: вĕс-тăват хĕрарĕма та пĕр арçын курăнмасть "на три-четыре женщины не выдать ни одного мужчину"; /10/ значение объекта ответного действия: эпĕ писателе хирĕс нимĕн те чĕнеймерĕм "я ничего не смог сказать писателю"; /11/ объект со значением причины: йыла пĕс "покрыться испариной /от жары/".

Совокупность объектных значений ДВНП представляется, таким образом, в виде двух типов соотношения действия и объекта: действие →

объект в ряду направительных значений этого падежа и объект → действие в ряду значений объекта, вызывающего ответную реакцию.

Местный падеж /МП/. В функции обстоятельства времени и места имя в МП обозначает не только значение места и времени как таковое, но и значение местонахождения, сферы приложения действия, средоточия, приурочения /а/; значение временного промежутка через действие, состояние или событие, протекающие во времени /б/. Например: а/ Ма кулатă-ши сар хĕвел... тупере?... /Афанасьев, 1976/. - Отчего смеется светлое солнышко ... на небосводе?... б/ Пуш уйăхĕн вĕсĕнче Хĕвел пĕхрĕ йăлтса... /Иванов, 1980/. - В конце марта стало греть солнышко.

Имя существительное в МП, выступая в функции дополнения, в чувашском языке выражает следующий ряд объектных значений: /1/ значение объекта должности, занимаемой лицом или значение объекта-занятия: Ярослав аслă князя нумаях пурăнайман "Ярослав недолго был великим князем"; /2/ габаритные значения величины, веса, степени, возраста, формы: Пуяндăхра анчах мар, Ыр кураcса суннииче... /Иванов, 1980/. - Не в одном богатстве счастье, В жизни дорог человек /Перевод Б.Иринаева/.

Исходный падеж /ИП/. В многообразии значений ИП обнаруживается та же закономерность взаимодействия обстоятельственных и объектных значений в функционировании имени в этом падеже, что и в ДВНП и МП. Наиболее простым значением ИП является обстоятельно-пространственное значение исходного пункта движения: /1/ хуларан кай "уйти из города". Объектные значения имени в ИП, стоящие рядом с отмеченным значением, распадаются на две противоположные группы значений. Одну группу или ряд значений ИП имен составляют такие, которые связаны с идеей отложительности: /2/ отграничительно-объектное значение: автобусран анса млĕс "они сошли с автобуса"; /3/ значение объекта-времени, с которого начинается что-либо и значение объекта места, от которого начинается что-либо: ачаран каласма вĕренсе пĕнĕ "с детства учился правильно произносить речь"; йăш вырăнтан тĕрсе лампана сунтермелле пулчĕ "пришлось встать с теплого местечка и потушить свет"; /4/ трансгрессивное значение: пăрăхран йăкан сивĕ шыв "холодная вода, текущая из трубы"; /5/ значение объекта-источника выделения: сав мелсенчен пĕринне усĕ курма тивет "необходимо выбрать один из этих приемов"; /6/ значение частного объекта: Райка ятлĕ учетчи пурне никам та сук "никого кроме учетчи Рай там не было"; /7/ значение объекта-материала и состава: сĕнĕ чĕнте явнĕ пушĕ "кнут, овитый из новых ремней"; /8/ зве-

!+

Рабфак

Ср. выданы 880

чение объекта-причины действия: усал хуйхă-суйхăран пус усăнать "от горя руки опускаются"; /9/ значение объекта-источника сравнения: хунямăшчен кинĕ вăрам "сноха выше ростом свекрови"; /10/ значение объекта посредника: сăнитрен килĕшÿллĕ качĕ "парень с гармоничной внешностью"; /11/ значение объекта, являющегося источником возникновения отрицательных или положительных эмоций: кудмаллах ёнтĕ ун пек пупран "как не посмеешься над таким попом"; /12/ значение объекта-источника получения знаний, сведений: халăх кушшинчи каласуран эпĕ пĕлтĕм "по тому, что говорят в народе, я понял".

Другая группа или ряд значений имени в ИП объединяется своеобразной семантикой приложительности: /13/ приложительные значения при глаголах касания, затрагивания, хватания: командир ачана пусран ачашларĕ "командир погладил ребенка по голове"; /14/ значение объекта, являющегося точкой, пунктом приложения действия: пĕсĕрен сирĕса амантрĕ мана хир сисни "кабан поранил меня в ногу"; /15/ значение места приложения действия и значение промежутка времени, по истечении которого совершается действие: Серкее хыĕнчен тĕкое ячĕс "Сергея столкнули сзади"; тепĕр эрнерен шыльăк ирттерĕмĕр "через неделю провели свадебный обряд шыльăк".

Совокупность объектных значений ИП, таким образом, можно представить в виде двух типов соотношения действия и объекта: объект → действие в ряду отложительных значений и действие → объект в ряду приложительных значений.

Творительный падеж /ТП/. ТП в чувашском языке многофункционален. По своей многозначности он стоит в одном ряду с такими полисемантическими падежами, как ИП и ДВП, и входит в более широкий ряд падежей, отражающих противопоставление обстоятельственных и объектных значений. Среди обстоятельственных значений имени в ТП выделяется значение обстоятельства образа действия, качественно характеризующее действие: Пахчари хурăнсем сурхи хаваслăхпа сывлаçĕ /Нарзов, 1965/. - Березы в саду дышат весенней радостью.

За пределами обстоятельственных значений имя в ТП передает различные объектные значения, которые в свою очередь могут быть сгруппированы в два ряда значений, объединенных семантикой социативности и инструментальности, или орудийности. В ряду социативных значений выделяются следующие: /1/ значение совместности: Михетерпе карчĕкĕ килчĕс ячĕс алăкран /Иванов, 1980/. - Михетер с женой вошли в дверь; /2/ совместно-сопроводительное значение: юлташпа пыратпăр элĕр "мы идем с товарищем"; /3/ уравнилельно-совместительное значение

чение: комплексĕ пĕр-пĕр заводпа пĕрех "комплекс их - словно завод какой-то". К инструментальному, или орудийному, ряду относятся: /1/ значение конкретной инструментальности: алдула ту "делай руками"; /2/ значение отвлеченной инструментальности: пуху гимна пухданчĕ "собрание началось гимном"; /3/ причинное /каузальное/ значение: çуречесем сивĕпе шăннă "окна замерзли от мороза".

Длинительный падеж /ИП/. Имя существительное, сочетаясь с аффиксом -сăр/-сĕр, в речи может обозначать как ряд привативно-предметных, так и ряд привативно-качественных или качественных значений. Эти значения ИП в чувашском языке своеобразно проявляются в различных синтаксических функциях: функции обстоятельства образа действия, дополнения, определения и сказуемого. По своим качественным значениям форма ИП в значении обстоятельства образа действия образует семантическую корреляцию с формой ТП в значении обстоятельства образа действия, качественно характеризующем действие. Привативно-предметные значения имени в ИП наиболее отчетливо обнаруживаются в функции дополнения: /1/ значение объекта, указывающего на возможность или невозможность совершения действия без предмета или лица, названного исходной основой: алăсăр-урасăр кĕне тăхăнать "без рук и без ног, а рубашку одевает"; /2/ объект со значением полного отсутствия чего-либо или со значением недостаточного количества /качества/ чего-либо: Тантăшсем, чи явалă ятпăр укĕрĕ мар-и пирĕн пус сине. /Тăван Атăл, №7/. - На нашу долю выпало самое ответственное время, когда мы остались без своих сверстников.; /3/ отделительно-привативное значение: вĕсенчен çиллĕшĕ хĕспе ухăсăр пусне йĕнерсем сÿмне кистенсем çакса янă /Юлма, 1983/. - Многие из них, кроме сабеля и лука, привязали к седлам и кистени.

В функции определения /а/ и сказуемого /с/ имя в ИП имеет и привативно-предметное, и привативно-качественное значения, т.е. подчиняется общей закономерности употребления этой формы в функции дополнения и обстоятельства. Например: а/ Утсăр гусарсем хăруш мар /Юлма, 1983/. - Гусары без лошади не страшны. Пăртас сирман чăрсăр шавне итлесе тăчĕ /Юлма, 1983/. - Буртас слушал бурление неудержимой реки; б/ Йывăссем вăсем чусăр /Тăван Атăл №7/. - Деревья они бесчувственны /досл. без души/ и др.

Причинно-целевой падеж /ИПП/. ИПП относится к "новым" падежам и соответственно занимает периферийное место в системе падежей чувашского языка. Однако степень развития обстоятельственных /конкретных/ и объектных /более абстрактных/ значений данного падежа в настоя-

о значении

без чужих

+ ищем

шее время приобрела такой же характер, как и в "старых" падежах. Характерной чертой имени в ПШ является то, что в нем совмещены две противоположные группы значений: обстоятельственное значение цели действия и значение объекта-цели действия, с одной стороны, и обстоятельственное значение причины действия и значение объекта-причины действия, с другой. Объектные значения как в первом ряду, так и во втором ряду, характеризуются многозначностью. Так, к значению объекта-цели действия /а/ примыкают следующие объектные значения: значение предназначения или назначения /б/; значение объекта, по отношению к которому проявляется свойство, качество или состояние, названные в управляющих компонентах /в/. Например: а/ Турпулшĕн кĕрешни - социализмшĕн кĕрешни /Трубина, 1975/. - Борьба за хлеб - это борьба за социализм. б/... выльăх тухтăрĕ ял сыннишĕн яланах кирлĕ /Емельянов, 1981/. - ... для жителей села ветеринарный врач всегда необходим. в/ Турханов Лидкшĕн тăван пек туйăнă /Трубина, 1975/. - Лиде Турханов казался родным.

Близко со значением объекта-причины действия /а/ в одном ряду стоят значения: значение объекта-эквивалента /б/, значение причины действия при глаголах, обозначающих различные эмоциональные состояния, душевные переживания /в/. Например: Сăк крăкшĕн сире епле мухтаман /Чернов, 1982/. - Как не похвалить вас за такие блага... б/ ... вăтăр пилĕк ёскупнĕшĕн тына парас терĕс /Трубина, 1975/. - ... решили дать тебе за 35 трудоней теленка. в/ Эпĕ сав ялашки куншĕн хăратăп, - терĕ Лидук именчĕклĕн /Трубина, 1975/. - Я боюсь за тот последний день, - нерешительно сказала Лиде.

Будучи нейтральными в отношении к противопоставлению конкретно-предметных и отвлеченно-предметных значений, падежи второй группы в системе чувашского склонения соотносены между собой несколько на иной основе, чем в других тюркских языках. Соотношение падежей по обстоятельственным значениям основано на характеристике действия формами того или иного падежа: ДЕНП, МП и ИП противопоставлены друг другу по принципу направленности /пространственности/ действия /глаголов движения/, ТП и ЛП - по качественным характеристикам действия, ПШ - по целевым и причинным характеристикам действия. За пределами обстоятельственных значений у каждого из этих падежей имеется большой диапазон объектных значений, не соотносённых друг с другом по какому-либо одному семантическому признаку. ДВП, МП, ИП, ТП, ЛП, ПШ в своих объектных значениях вместе с формами управляемых дополнений - РП и ДВОП синтаксически противопоставлены ОП

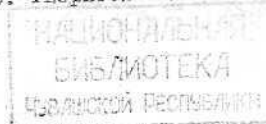
как единственному падежу подлежащего в рамках склонения. В этом проявляется двойственность и целостность каждой падежной формы и категории склонения чувашского языка в целом.

В § II.0. - "Падежные аффиксы как словообразовательные средства" - анализируются интересные грамматические процессы, стоявшие между явлениями словосизменения и словообразования: в чувашском языке отдельные падежные аффиксы, претерпевая функциональные сдвиги, выступают как средства словообразования. При этом, такие образования обособляясь /или обособившись/ от парадигмы, подвергаются процессам денсикализации и выступают уже как самостоятельные целостные единицы языка.

В Заключении обобщаются основные выводы исследования. Прежде всего следует отметить, что системный анализ значений и функций падежей, проведенный автором реферируемой работы, выявляет сложную противоречивость в многообразии значений /функций/ всех без исключения падежных форм и их противопоставления в рамках категории склонения. И эта сложная противоречивость значений падежей может быть понята как единство только на основе введения понятия о противоречивой двойственности входящих в данное единство значений. Такое понимание структуры значений /функций/ падежных форм, составляющих грамматическую категорию склонения, основывается на диалектико-материалистическом подходе к явлениям языка. Проведенное исследование позволяет с достаточным основанием утверждать, что противоречивая двойственность значений у каждого падежа связана с двойным противопоставлением падежей в пределах "своего", малого ряда падежных форм и в рамках всей падежной системы в целом, т.е. в пределах большого ряда /Мязов, 1969, 1973, 1975/. Несопоримым фактом также является то, что двойственность значений у каждой падежной формы проявляется в наличии синтаксической и семантической сторон, находящихся в неразрывном диалектическом единстве.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Основной падеж в системе категории склонения в чувашском языке. - В кн.: Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе: материалы конференции. Чебоксары, 1986, с. 97-103. - 0,5 п.л.
2. Словообразовательные функции падежных аффиксов в чувашском языке. - Востоковедение, 12: филологические исследования. Л., 1986, с. 20-27. - 0,5 п.л.
3. Творительный падеж в чувашском языке. - Вестник ЛГУ. Серия 2.

A-481

История, языковедение, литературоведение. Вып. 2. Л., 1986, с. 66-69.-

0,3 п. л.

4. Абессиль в чувашском и финно-угорских языках.- Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции /PIAC/ "Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности" /Ташкент, сентябрь, 1986 г./ Ч. П. Лянтивистика. М., 1986, с. II-12.-
0,1 п. л.

Подписано к печати 25.02.87. Формат 60x80/16.

Оперативная печать. Тираж 100 экз. Заказ № 352.

Типография Чувашского государственного
университета имени И.Н. Ульянова. 428015,
г. Чебоксары, Московский проспект, 15.